

УДК 34:351.82(470+571)
ББК 67(2Рос)401.142-32

КООРДИНАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВЕТЕ ПОЛОЖЕНИЙ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ

Беликова Ксения Михайловна

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и трудового права,
Российский университет дружбы народов
belikovaksenia@ya.ru
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются некоторые положения российского Закона «О защите конкуренции» 2006 г. с позиции правовой квалификации (разрешения / запрета) координации экономической деятельности. При анализе обозначенных положений автор исходит из действия принципа свободы договора, при одновременном признании того факта, что в то же время в законодательстве существуют условия ограничения такой свободы договора, к числу которых можно отнести, например, право контрагента обратиться в суд с иском о понуждении заключить договор обязанную сторону в публичном договоре и иные, в том числе обозначенные в Законе «О защите конкуренции». Автор обозначает новеллы третьего антимонопольного пакета и затрагивает некоторые аспекты так называемого четвертого антимонопольного пакета РФ.

Ключевые слова: Россия, антимонопольное регулирование, Закон о защите конкуренции, координация экономической деятельности, «горизонтальные» соглашения, «вертикальные» соглашения, доктрина *per se*.

Концентрация капитала и производства, комбинирование отдельных стадий производственного процесса и стремление к монопольному положению на рынке являются, по мнению видного представителя советской цивилистической науки А.В. Венедиктова, основными тенденциями современного этому цивилистическому экономическому развитию, а объединение предпринимателей – одним из основных приемов торгово-промышленной деятельности, в которой эта тенденция находит свое выражение [16, с. 70]. Именно поэтому предприятия так или иначе стремятся к укрупнению, законодатели зарубежных стран признают эту тенденцию, а теоретики и практики обосновывают ее в своих работах и практической деятельности.

Отмечается (цит. по: [29], см.: Hundskopf Echebio, Oswaldo. Regulación jurídica de los grupos

de empresas // Informativo Legal Rodrigo. Lima, Asesores Financieros, noviembre de 1998, volumen 149, p. XIX), что в настоящее время феномен концентрации и координации является следствием технологического развития, развития транспортной сети, повышения эффективности связи и возможностей в сфере коммуникаций и желания захватить новые рынки в процессе глобализации экономики. Важно отметить в этой связи, что интересам укрепления позиций национальных компаний на мировом рынке во всех странах, и Россия не исключение, отдается безусловный приоритет перед принципами свободной конкуренции и недопущения монополизма на внутренних рынках.

В связи с этим вопросы «координации экономической деятельности» попадают в поле зрения экономистов и правоведов [14; 15],

пытающихся найти как положительные, так и отрицательные аспекты таких процессов.

В числе положительных аспектов экономической интеграции исследователями отмечается способность образующейся в результате «концентрации» становиться одним из основных рычагов противодействия иностранным конкурентам, будучи целенаправленно сформированной на основе технологически и кооперационно связанных промышленных хозяйствующих субъектов, выпускающих или способных в самое короткое время обеспечить выпуск конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках продукции крупной корпоративной структуры и др. В числе отрицательных – указывается на то обстоятельство, что создание интегрированных структур может привести к монополизации отдельных рынков и отраслей узким кругом собственников, что позволит контролировать не только крупные интегрированные структуры, но и отдельные стратегически важные отрасли российской промышленности. С точки зрения антимонопольного законодательства к числу недостатков структур, интегрированных рассматриваемым образом, следует отнести также наличие в них предприятий, работающих на конкурентных товарных рынках и одновременно находящихся на них в привилегированном положении по отношению к своим конкурентам. Обратимся в настоящей статье к положениям антимонопольного законодательства РФ о координации экономической деятельности.

Итак, согласно п. 14 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции» № 135-ФЗ от 26 июля 2006 г. [26] (ред. от 04.06.2014, с изм. от 21.07.2014, далее – Закон 2006 г.) координация экономической деятельности – это согласование действий хозяйствующих субъектов третьим лицом, не входящим в одну группу лиц ни с одним из таких хозяйствующих субъектов и не осуществляющим деятельности на товарном рынке, на котором осуществляется согласование действий хозяйствующих субъектов. При этом не являются координацией экономической деятельности действия хозяйствующих субъектов, осуществляемые в рамках «вертикальных» соглашений.

Одновременно согласно положениям ч. 5 ст. 11 этого же Закона 2006 г. физическим ли-

цам, коммерческим и некоммерческим организациям запрещается осуществлять координацию экономической деятельности хозяйствующих субъектов, если такая координация приводит к любому из последствий, которые указаны в частях 1–3 анализируемой статьи, которые не могут быть признаны допустимыми в соответствии со ст. 12 и 13 Закона 2006 г. или которые не предусмотрены федеральными законами.

Части 1–3 ст. 11 Закона 2006 г. касаются:

- 1) «горизонтальных» соглашений (*per se*);
- 2) «вертикальных» соглашений (почти *per se*);
- 3) манипулирования ценами на рынке электроэнергии.

Отметим в этой связи, что одним из основных принципов современного гражданского права является «принцип свободы договора», который проявляется в нескольких правовых аспектах, о чем свидетельствует и конструкция ст. 421 ГК РФ [17; 26]. Во-первых, такая свобода в заключении договора не должна быть результатом понуждения к вступлению в договорные отношения против воли другой стороны. Во-вторых, стороны договора вправе по своему усмотрению выбрать, какой именно договор им следует заключить. В-третьих, стороны вправе по своему усмотрению определять условия заключения договора и прочее [18].

В то же время в законодательстве существуют условия ограничения такой свободы договора, к числу которых можно отнести, например, право контрагента обратиться в суд с иском о понуждении заключить договор обязанную сторону в публичном договоре. Свобода коммерческих договоров может быть также ограничена специальной правосубъектностью сторон, в случае, когда стороне запрещено заниматься иной, не указанной в учредительных документах, деятельностью, а также если такой запрет продиктован нормой закона. Кроме таких – общих – оснований ограничения принципа свободы договора есть и специальные, нашедшие отражение в специальных нормативных правовых актах, например, в вышеупомянутом Законе «О защите конкуренции» 2006 года. Здесь антимонопольное регулирование выступает механизмом государственного регулирования эконо-

мических отношений, в ходе которого провозглашенный в ст. 421 ГК РФ принцип свободы договора подвергается ограничению. Запреты, установленные законодателем, применимы к любому виду частноправовых отношений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, и носят объективный и вынужденный характер, поскольку их отсутствие может привести к краху всей рыночной экономики [6].

Справедливо будет отметить, что основная часть антимонопольных ограничений свободы договора применяется в отношении субъекта, занимающего доминирующее положение на рынке. Ведь именно такой хозяйствующий субъект обладает широкими возможностями навязывать собственную волю контрагентам, нарушая тем самым еще и принцип равноправия сторон. Так, субъект, занимающий на товарном рынке доминирующее положение, может или заключить договор с невыгодными для контрагента условиями, или не заключать договор вообще, или заключать договор с ограничительными условиями [18].

Наряду с действиями хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение, большой блок нарушений антимонопольного законодательства составляют незаконные соглашения между хозяйствующими субъектами на товарном рынке.

Что касается «горизонтальных» соглашений, то в качестве таковых в РФ признаются договоренности в письменной форме, содержащиеся в документе или нескольких документах, а также договоренности в устной форме (п. 18 ст. 4 Закона 2006 г.). При этом совершение действий по соглашению не относится к согласованным действиям, а является соглашением (ч. 2 ст. 8 Закона 2006 г.). Эта позиция также проводится законодателями стран Северной (Мексика, Канада) и Латинской (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Чили, Перу и др.) Америки; отражена в решениях этого вопроса Комиссией ЕС и Европейским Судом правосудия [12].

До 2010 г. судебная практика РФ при выяснении наличия письменного антиконкурентного соглашения была неоднозначной: в случае несоответствия письменного соглашения указанным в гражданском кодексе требованиям (ст. 154, 160, 432 ГК РФ и пр.) ар-

битражные суды приходили к выводу об отсутствии указанного соглашения [23; 24].

В связи с этим Постановление Президиума ВАС РФ от 21 декабря 2010 г. № 9966/10 отмечает следующее:

– во-первых, «...вывод суда о необходимости доказывания антимонопольным органом фактического исполнения участниками союза условий соглашения от 12 марта 2008 г. несостоятелен, поскольку нарушение состоит в достижении участниками союза договоренности, которая приводит или может привести к перечисленным в ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции последствиям...»;

– во-вторых, «...вывод судов о недоказанности наличия соглашения от 12 марта 2008 г. противоречит ст. 4 Закона о защите конкуренции, в которой факт наличия антиконкурентного соглашения не ставится в зависимость от его заключенности в виде договора по правилам, установленным гражданским законодательством. Суды необоснованно не учли указанную норму закона, содержащую специальное определение соглашения, которое подлежит применению при оценке факта правонарушения в сфере антимонопольного законодательства. Положения статей 154, 160, 432, 434 ГК РФ в этом случае применению не подлежат...».

Таким образом, с точки зрения антимонопольного законодательства соглашение носит более широкий характер, нежели договор, так как помимо установления, изменения или прекращения прав и обязанностей сторон может содержать и намерение относительно будущих действий участников картеля в отношении себя или третьих лиц [21, с. 60].

Российская трактовка понятия «соглашение» совпадает с практикой, закрепленной в решениях Еврокомиссии и Европейского суда правосудия. Так, по праву ЕС к соглашениям в целях применения запрета на ограничение конкуренции относятся: «любые соглашения, независимо от того, являются ли они договорами по праву страны их заключения, намеревались ли стороны сделать такие соглашения юридически обязательными, письменные они или устные».

Понятие «соглашение» включает в себя и так называемые джентльменские договоренности, стандартные условия продажи, пра-

вила профессиональных ассоциаций (которые свидетельствуют о соглашении их членов придерживаться таких правил), и соглашения об урегулировании споров, например, такие, как соглашение о разделе товарного знака.

Соглашение существует даже, если стороны договорились только о «правилах добрососедства», «об установлении добросовестной практики и этики» или «определенных правил игры, которые нам всем выгодно соблюдать».

Соглашение существует там, где есть совпадение намерений; форма соглашения не важна, главное, чтобы оно являлось достоверным выражением намерений сторон. Не важно, что за нарушение соглашения не предусмотрены санкции. Более того, соглашение, срок действия которого уже завершился, может рассматриваться как антиконкурентное в отношении временного периода после его завершения, если эффект от соглашения продолжает сказываться.

Защита участника соглашения не может быть основана на доводах о том, что участник никогда не намеревался применять соглашение или придерживаться его условий [27].

Что касается предписаний Закона 2006 г. в этом формате, то они двойственны.

Так, ч. 1 ст. 11 Закона 2006 г. устанавливает упомянутые выше запреты *per se*: признаются картелем и запрещаются соглашения между хозяйствующими *субъектами-конкурентами*, то есть между субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, если такие соглашения приводят или могут привести к 1) установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок; 2) повышению, снижению или поддержанию цен на торгах; 3) разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков); 4) сокращению или прекращению производства товаров; 5) отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками). Такие перечни есть во многих зарубежных (Мексика, Канада, Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Чили, Перу и др.) и наднациональных (МЕРКОСУР, ЕС) правовых порядках [8; 10].

В так называемом четвертом антимонопольном пакете РФ [25] эта норма звучит так: признаются картелем и запрещаются соглашения между хозяйствующими *субъектами-конкурентами*, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров либо приобретение товаров на одном товарном рынке, если такие соглашения приводят или могут привести к... (далее перечень, сходный с частично приведенным выше).

Часть 2 ст. 11 Закона 2006 г. устанавливает общий запрет: запрещаются иные соглашения между хозяйствующими субъектами, если установлено, что такие соглашения приводят или могут привести к ограничению конкуренции. К таким соглашениям могут быть отнесены, в частности, соглашения из ч. 4 ст. 11 Закона 2006 года. Это: 1) навязывание контрагенту условий договора, невыгодных для него или не относящихся к предмету договора; 2) экономически, технологически и иным образом не обоснованное установление хозяйствующим субъектом различных цен (тарифов) на один и тот же товар; 3) создание другим хозяйствующим субъектам препятствий доступу на товарный рынок или выходу из товарного рынка; 4) установление условий членства (участия) в профессиональных и иных объединениях.

Стоит отметить в этой связи, что, по словам начальника Управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы РФ (далее – ФАС РФ) А.Ю. Кинева, на протяжении последних лет борьба с картелями является одним из приоритетных направлений деятельности ФАС РФ и согласно решению Коллегии ФАС РФ (принятому в феврале 2012 г.) останется таковой на ближайшие годы [19].

Описанные выше подходы являются результатом вступления в силу 6 и 7 января 2012 г. федеральных законов: от 6 декабря 2011 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и № 404-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», – входящих в так называемый третий антимонопольный пакет.

Новеллы 3-го антимонопольного пакета касались следующих моментов.

Первый, – это официальное введение в российское законодательство термина «картель».

Определение этого понятия, как уже было показано выше, дано в ч. 1 ст. 11 Закона 2006 года. Указанная норма полностью соответствует международным стандартам, и по сравнению с предыдущей редакцией Закона о защите конкуренции существенно сужает круг нарушений антимонопольного законодательства, связанных с картелями.

Отмечается, что целью образования картеля, как разновидности договорного объединения предпринимателей, является получение в общих интересах участников прибыли путем устранения или регламентации конкуренции между участниками картеля, а также путем подавления внешней конкуренции [28, с. 196]. Ограничение или устранение конкуренции, в свою очередь, служит фактором увеличения прибыли, получаемой хозяйствующими субъектами – участниками такого объединения, поскольку результатом договоренности выступит уменьшение издержек, которые они понесли бы в ходе конкурентной борьбы, а также возможность удержать цены на определенном уровне самими предпринимателями.

Поэтому запрет на картели является безусловным, или, как его называют в мировой юридической науке, запретом *per se*. Это значит, что правоприменителю требуется доказать только наличие запрещенного соглашения и нет необходимости доказывать, что его реализация привела к ограничивающим конкуренцию последствиям, как и было показано нами на примере выдержки из Постановления Президиума ВАС РФ от 21 декабря 2010 г. № 9966/10.

Второе, – в Законе 2006 г. произведено размежевание понятий «соглашение» и «согласованные действия».

С учетом того, что в антимонопольном законодательстве «соглашения» и «согласованные действия» – это совершенно разные понятия, не находящиеся в причинно-следственной связи друг с другом, в целях окончательного исключения смешения этих понятий и подмены одного другим ст. 11 Закона 2006 г. («Запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения и согласованные действия хозяйствующих субъектов») была разделена

на две части: ст. 11 («Запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов») и ст. 11.1 («Запрет на согласованные действия хозяйствующих субъектов, ограничивающие конкуренцию»). Этот факт нам важен в ходе рассмотрения координации экономической деятельности, поскольку согласно закону соглашения и координация вещи суть разные, однако в практике ФАС координация находит выражение в соглашениях [13].

Третье, – это закрепление тезиса: «картели внутри группы лиц не бывает».

Для этого в ст. 11 введена ч. 7: «Положения настоящей статьи не распространяются на соглашения между хозяйствующими субъектами, входящими в одну группу лиц, если одним из таких хозяйствующих субъектов в отношении другого хозяйствующего субъекта установлен контроль либо, если такие хозяйствующие субъекты находятся под контролем одного лица, за исключением соглашений между хозяйствующими субъектами, осуществляющими виды деятельности, одновременное выполнение которых одним хозяйствующим субъектом не допускается в соответствии с законодательством Российской Федерации» [18].

Данное положение также важно в свете определения трактовки понятия «координация экономической деятельности».

Так, ч. 7 ст. 11 Закона 2006 г. не распространяется на соглашения внутри группы лиц, если: 1) один участник «контролирует» другого, либо 2) все участники находятся под «контролем» одного лица, а также на соглашения между хозяйствующими субъектами, осуществляющими виды деятельности, одновременное выполнение которых одним хозяйствующим субъектом не допускается в соответствии с законодательством РФ.

«Контроль» для этих целей понимается как возможность физического или юридического лица прямо или косвенно (через юридическое лицо или через несколько юридических лиц) определять решения, принимаемые другим юридическим лицом, посредством одного или нескольких следующих действий:

1) распоряжения более 50 % от общего количества голосов, приходящихся на акции (доли), составляющие уставный (складочный) капитал юридического лица;

2) осуществления функций исполнительного органа юридического лица (ч. 8 ст. 11 Закона 2006 г.).

Отметим, что это понятие контроля в общих чертах схоже с даваемым в зарубежных национальных правовых порядках (Мексика, Канада, Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Чили, Перу и др.) и на наднациональном уровне (например, ЕС, МЕРКОСУР) [4; 5; 7].

Что касается «вертикальных» соглашений, то таковыми согласно действующему Закону 2006 г. признаются соглашения между хозяйствующими субъектами, один из которых приобретает товар, а другой предоставляет (продает) товар. Не является «вертикальным» соглашением агентский договор (п. 19 ст. 4 Закона 2006 г.). Четвертый антимонопольный пакет исключает из этого определения норму об агентском договоре.

Товаром для этой цели считается объект гражданских прав (в том числе работа, услуга, включая финансовую услугу), предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот (п. 1 ст. 4 Закона 2006 г.). Эта трактовка понятия «вертикальное соглашение» отличается от его зарубежных аналогов субъектом, от которого исходит. В зарубежных правовых порядках подобное определение закрепляется в доктрине (например, Аргентина, Бразилия и др.) или в ненормативных, рекомендательных документах антимонопольных органов (Бразилия, ЕС и др.), тогда как законодательство содержит лишь квалификацию отдельных соглашений такого рода (например, связывающие продажи, отказ в поставке, установление цен перепродажи и др. – Бразилия, Колумбия, Канада); она редко закрепляется в законе (например, США, Канада) [2; 3; 7; 11].

Запрещены (почти *per se*) «вертикальные» соглашения, которые приводят или могут привести к установлению цены перепродажи товара, за исключением случая, когда продавец устанавливает для покупателя максимальную цену перепродажи товара; или которыми предусмотрено обязательство покупателя не продавать товар хозяйствующего субъекта, являющегося конкурентом продавца. Ранее исключением составляли соглашения об организации покупателем продажи товаров под товарным знаком либо иным средством индивидуализации продавца или производите-

ля. В четвертом антимонопольном соглашении такое исключение не предусмотрено [22].

Что касается допустимости таких соглашений, то согласно ст. 12 Закона 2006 г. допускаются «вертикальные» соглашения: 1) в письменной форме (кроме соглашений между финансовыми организациями), если они являются договорами коммерческой концессии; 2) между хозяйствующими субъектами (кроме соглашений между финансовыми организациями), доля каждого из которых на любом товарном рынке не превышает 20 %.

Стоит отметить, что такого рода исключения есть и в зарубежных правовых порядках. Так, например, в ЕС правомерны вертикальные соглашения, заключаемые предприятиями, доля которых на рынке составляет 15 %, на основе идеи о том, что использование рыночной власти в одном из звеньев этой цепочки снижает спрос на смежных стадиях. Таким образом, у участников вертикальных соглашений имеются стимулы к предотвращению использования рыночной власти контрагентами [1, с. 107] (см.: Wegener, Richard J. Nonprice Vertical Restraints: the good, the bad, and the undecided. SD62 ALI-ABA 63 (1999), at 67, цит. по: [30]).

Имеются и другие исключения, например, положения ст. 11 и 13 Закона 2006 г., а также Постановление Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 583 «О случаях допустимости соглашений между хозяйствующими субъектами» [17; 26]. Их положения в целом сходны с предписаниями аналогичных актов в зарубежных правовых порядках (например, в Колумбии правительство вправе разрешить заключение любого соглашения или договора, который, несмотря на ограничение конкуренции, имеет целью защиту стабильности базового сектора производства товаров или услуг в интересах экономики в целом (§ 1 ст. 1 Закона № 155) [18].

В общем сказанное можно проиллюстрировать делом ООО «Спецтехника-Группа ГАЗ» [18], которое незаконно координировало экономическую деятельность. Так, 7 апреля 2011 г. ФАС России признала ООО «Спецтехника-Группа ГАЗ» (далее – ООО «СГГ») нарушившим ч. 3 ст. 11 Закона о защите конкуренции (незаконная координация экономической деятельности).

Комиссия ФАС России установила, что ООО «СГГ» координировало поведение дилеров на торгах, в том числе при поставке техники для государственных нужд. Компания устанавливала, кто из дилеров уполномочен участвовать в торгах, и отправляла дилерам соответствующие письма. Если победителем на торгах оказывался участник, не являющийся дилером ООО «СГГ», ему под различными предлогами отказывали в поставке техники, такие действия приводили к срыву заключения государственных контрактов.

Кроме того, в ходе рассмотрения дела ФАС выявила признаки нарушения п. 1, 2 ч. 2 ст. 11 Закона о защите конкуренции (запрещенные вертикальные соглашения). ООО «СГГ» и его дилеры заключали соглашения, которые привели к установлению цены перепродажи товара, а также фиксировало требования о запрете дилерам заключать аналогичные дилерские соглашения с другими предприятиями-изготовителями или приобретать у них продукцию.

В адрес ООО «СГГ» было подготовлено предписание об устранении нарушений антимонопольного законодательства.

ООО «Спецтехника-Группа ГАЗ» обжаловало решение по делу и предписание в Арбитражный суд г. Москвы, который решением от 21 декабря 2011 г. в удовлетворении требований отказал. В основу судебного решения были положены материалы решения ФАС России.

Апелляционный арбитражный суд 6 марта 2012 г. в удовлетворении жалобы ООО «СГГ» также отказал.

Таким образом, как показали приведенные примеры, горизонтальная договорная интеграция характеризуется двойственностью, которая выражается в том, что, с одной стороны, механизмам координации экономической деятельности присущ «самоограничительный» характер, являющийся следствием того, например, что использование рыночной власти в одном из звеньев цепочки «производитель – перепродавец» снижает спрос на смежных стадиях, вследствие чего у участников «вертикальных» соглашений имеются стимулы к предотвращению использования рыночной власти контрагентами, с другой – такой «самоограничительный» характер не стоит

переоценивать, ведь если компании не имеют рыночной власти, они могут увеличить свою прибыль только, оптимизируя процессы производства и распределения товара при помощи или без вертикальных ограничений.

Что касается «горизонтальных» соглашений, потенциал «самоограничения» в них еще меньше. С этим обстоятельством связано признание противоправности соглашений, заключаемых с целью концентрации капитала и координации производства вне зависимости от установления какой-либо определенной формы. Таким образом, эти соглашения включают в себя: 1) формализованные соглашения, достигнутые в письменном виде путем составления одного или нескольких документов (договоров); 2) соглашения, носящие неформальный характер и достигнутые путем устных договоренностей (например, на форумах и совещаниях), – имеющие негативный эффект для конкуренции и запрещаемые, как правило, *per se*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антимонопольное регулирование вертикальных ограничивающих контрактов: российская практика в контексте мирового опыта / С. Б. Авдашева, Т. А. Алимова, А. Н. Киселев [и др.]. – М. : ТЕИС, 2004.
2. Беликова, К. М. «Вертикальные» соглашения в странах НАФТА. Мексика и США / К. М. Беликова // Конкуренция и право. – 2012. – № 5 (сентябрь – октябрь). – С. 63–69.
3. Беликова, К. М. «Вертикальные» соглашения в странах НАФТА: опыт Канады / К. М. Беликова // Право и конкуренция. – 2012. – № 4 (июль – август). – С. 61–65.
4. Беликова, К. М. Злоупотребление доминированием: практика Канады / К. М. Беликова // Конкуренция и право. – 2011. – № 2 (март – апрель). – С. 51–56.
5. Беликова, К. М. Злоупотребление доминирующим положением в законодательстве, доктрине и правоприменительной практике Европейского союза и стран Южноамериканского общего рынка – Аргентины, Бразилии и Перу / К. М. Беликова // Право и политика. – 2006. – № 7 (79). – С. 38–52.
6. Беликова, К. М. Ограничение свободы договора в сфере антимонопольного регулирования / К. М. Беликова // Российский юридический журнал. – 2008. – № 6 (63). – С. 82–90.

7. Беликова, К. М. Охрана конкурентной среды: практика Колумбии / К. М. Беликова // Конкуренция и право. – 2011. – № 6 (ноябрь – декабрь). – С. 56–61.

8. Беликова, К. М. Подходы к охране конкуренции, закрепляемые законодательством Южноамериканского общего рынка / К. М. Беликова // Законодательство и экономика. – 2006. – № 9. – С. 49–53.

9. Беликова, К. М. Положения правовых актов и правоприменительная практика о горизонтальных соглашениях, ограничивающих торговлю, Европейского союза и стран Южноамериканского общего рынка – Аргентины, Бразилии и Перу / К. М. Беликова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2006. – № 1. – С. 31–42.

10. Беликова, К. М. Правовые акты об охране конкуренции в Европейском союзе и странах Южноамериканского общего рынка: сравнительно-правовой аспект / К. М. Беликова // Законодательство и экономика. – 2007. – № 2. – С. 72–83.

11. Беликова, К. М. Правоприменительная практика Европейского союза и стран Южноамериканского общего рынка – Аргентины, Бразилии и Перу о вертикальных соглашениях, ограничивающих торговлю, на примере связывающих контрактов, отказа в продаже товаров или предоставлении услуг и установления цен перепродажи / К. М. Беликова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2006. – № 3 (6). – С. 77–89.

12. Беликова, К. М. Сговор как разновидность монополистической практики, ограничивающей конкуренцию, в странах НАФТА / К. М. Беликова // Журнал российского права. – 2008. – № 1. – С. 115–126.

13. Борзило, Е. Лекция и презентация к лекции на тему «Монополистическая деятельность: актуальные вопросы» к Семинару «Практика применения антимонопольного законодательства: анализ актуальных вопросов и судебной практики» (12–13 ноября 2013 г.) / Е. Борзило. – М. : М-Логос, 2014.

14. Бурганов, Р. О положительных и отрицательных эффектах экономической концентрации / Р. Бурганов // Маркетинг. – 2003. – № 2. – С. 3–9.

15. Бурмистрова, Т. Экономическая концентрация в России и государствах ЕС. Антимонопольный контроль / Т. Бурмистрова, Г. Мартыненко // Право и экономика. – 2004. – № 5. – С. 13–24.

16. Венедиктов, А. В. Слияние акционерных компаний / А. В. Венедиктов // Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. I. – М. : Статут, 2004. – 463 с.

17. ГК РФ. Часть первая // Собрание законодательства РФ. – 1994. – 5 дек. (№ 32). – Ст. 3301.

18. Гутерман, А. Е. Основания установления антимонопольных ограничений действия принци-

па свободы договора в отношениях хозяйствующих субъектов / А. Е. Гутерман // Юрист. – 2014. – № 15. – С. 38–42.

19. Кинев, А. Ю. Система противодействия картелям / А. Ю. Кинев // Закон. – 2012. – № 9. – С. 179–186.

20. Кинев, А. Ю. Третий антимонопольный пакет и борьба с картелями / А. Ю. Кинев // Закон. – 2012. – № 2. – С. 139–147.

21. Комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / под ред. В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петрова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Партин, А. Презентация к лекциям на тему «Антимонопольные соглашения и согласованные действия. Незаконная координация деятельности на рынке» к Семинару «Практика применения антимонопольного законодательства: анализ актуальных вопросов и судебной практики» (12–13 ноября 2013 г.) / А. Партин. – М. : М-Логос, 2014.

23. Постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 21 мая 2010 г. по делу № А27-24421/2009, от 24 июня 2010 г. по делу № А27-18500/2009.

24. Постановление ФАС Уральского округа от 16 ноября 2010 г. № Ф09-9595/10-С1.

25. Правительство РФ утвердило 4-й антимонопольный пакет // Фармацевтический вестник. – 2014. – 5 сент. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.pharmvestnik.ru/publs/lenta/v-rossii/pravitelstvo-rf-utverdilo-4-j-antimonopolnyj-paket.html#.VННy9cm216A> (дата обращения: 23.03.2015). – Загл. с экрана.

26. Российская газета. – 2006. – 27 июля (№ 162).

27. Сушкевич, А. Г. Антиконтурные соглашения / А. Г. Сушкевич // Конкурентное право России / Д. А. Алешин, И. Ю. Артемьев, Е. Ю. Борзило [и др.] ; отв. ред. И. Ю. Артемьев, А. Г. Сушкевич ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. – 391 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.anticartel.ru/userdata. – Загл. с экрана.

28. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. – 5-е изд., доп. и перераб. – М. : Юринформцентр, 2001. – 927 с.

29. Echaiz Moreno, D. Nuevas Formas de Organización Corporativa Concentrada / D. Echaiz Moreno. – 2001. – Electronic text data. – Mode of access: <http://ciberconta.unizar.es/LECCION/der022/100.HTM> (date of access: 31.07.10). – Title from screen.

30. Rocha e Silva, L. Law and policy towards vertical restraints of trade: the case of Brazil / L. Rocha e Silva // Boletín Latinoamericano de Competencia. – 2000. – N 9, parte 2 (Febrero). – P. 34-50. – Electronic text data. – Mode of access: http://ec.europa.eu/competition/publications/blc/boletin_9_2_es.pdf. – Title from screen.

REFERENCES

1. Alimova T.A., Kiselev A.N., et al. *Antimonopolnoe regulirovanie vertikalnykh ogranichivayushchikh kontraktov: rossiyskaya praktika v kontekste mirovogo opyta* [Antitrust Regulation of Vertical Restrictive Contracts: the Russian Practice in the Context of International Experience]. Moscow, TEIS Publ., 2004.
2. Belikova K.M. "Vertikalnye" soglasheniya v stranakh NAFTA. Meksika i SShA ["Vertical" Agreements in NAFTA. Mexico and the US]. *Konkurentsia i pravo*, 2012, no. 5 (September-October), pp. 63-69.
3. Belikova K.M. "Vertikalnye" soglasheniya v stranakh NAFTA: opyt Kanady ["Vertical" Agreements in NAFTA: Experience of Canada]. *Konkurentsia i pravo*, 2012, no. 4 (July-August), pp. 61-65.
4. Belikova K.M. Zloupotreblenie dominirovaniem: praktika Kanady [The Abuse of Dominance: the Practice of Canada]. *Konkurentsia i pravo*, 2011, no. 2 (March-April), pp. 51-56.
5. Belikova K.M. Zloupotreblenie dominiruyushchim polozheniem v zakonodatelstve, doktrine i pravoprimenitelnoy praktike Evropeyskogo soyuza i stran Yuzhnoamerikanskogo obshchego rynka – Argentiny, Brazili i Peru [Abuse of Dominant Position in the Law, Doctrine and Legal Practice of the European Union and the Countries of the Southern Common Market - Argentina, Brazil and Peru]. *Pravo i politika*, 2006, no. 7 (79), pp. 38-52.
6. Belikova K.M. Ogranichenie svobody dogovora v sfere antimonopolnogo regulirovaniya [Restriction of Freedom of Contract in the Field of Antitrust Regulation]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2008, no. 6 (63), pp. 82-90.
7. Belikova K.M. Okhrana konkurentnoy sredy: praktika Kolumbii [Protection of the Competitive Environment: the Practice of Colombia]. *Konkurentsia i pravo*, 2011, no. 6 (November-December), pp. 56-61.
8. Belikova K.M. Podkhody k okhrane konkurentsii, zakreplyaemye zakonodatelstvom Yuzhnoamerikanskogo obshchego rynka [Approaches to the Protection of Competition, Fixed in the Legislation of the Southern Common Market]. *Zakonodatelstvo i ekonomika*, 2006, no. 9, pp. 49-53.
9. Belikova K.M. Polozheniya pravovykh aktov i pravoprimenitelnaya praktika o gorizontalnykh soglasheniyakh, ogranichivayushchikh trgovlyu Evropeyskogo Soyuzha i stran Yuzhnoamerikanskogo obshchego rynka - Argentiny, Brazili i Peru [The Provisions of Legislation and Law Enforcement Practice of the Horizontal Agreements That Restrict Trade in the European Union and the Countries of the Southern Common Market - Argentina, Brazil and Peru]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2006, no. 1, pp. 31-42.
10. Belikova K.M. Pravovye akty ob okhrane konkurentsii v Evropeyskom Soyuze i stranakh Yuzhnoamerikanskogo obshchego rynka: sravnitel'no-pravovoy aspekt [Legal Acts on the Protection of Competition in the European Union and the Countries of the Southern Common Market: a Comparative Legal Aspect]. *Zakonodatelstvo i ekonomika*, 2007, no. 2, pp. 72-83.
11. Belikova K.M. Pravoprimenitelnaya praktika Evropeyskogo soyuza i stran Yuzhnoamerikanskogo obshchego rynka - Argentiny, Brazili i Peru o vertikalnykh soglasheniyakh, ogranichivayushchikh trgovlyu, na primere svyazyvayushchikh kontraktov, otkaza v prodazhe tovarov ili predostavlenii uslug i ustanovleniya tsen pereprodazhi [Law Enforcement Practice of the European Union and the Countries of the Southern Common Market - Argentina, Brazil and Peru on Vertical Agreements Restricting Trade, on the Example of Binding Contracts, Refusing to Sell Goods or Services and Price Fixing Resale]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2006, no. 3 (6), pp. 77-89.
12. Belikova K.M. Sgovor kak raznovidnost monopolisticheskoy praktiki, ogranichivayushchey konkurentsiyu v stranakh NAFTA [Collusion as a Kind of Monopolistic Practices That Restrict Competition in NAFTA]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2008, no. 1, pp. 115-126.
13. Borzilo E. *Lektsiya i prezentatsiya k lektsii na temu "Monopolisticheskaya deyatel'nost: aktualnye voprosy" k Seminaru "Praktika primeneniya antimonopolnogo zakonodatelstva: analiz aktualnykh voprosov i sudebnoy praktiki" (12-13 noyabrya 2013 g.)* [Lecture and Presentation of the Lecture on "Monopolistic Activity: Current Issues" to the Seminar "The Practice of Antitrust Laws: the Analysis of Current Issues and Judicial Practice" (November 12-13, 2013)]. Moscow, M-Logos Publ., 2014.
14. Burganov R. O polozhitelnykh i otritsatelnykh effektakh ekonomicheskoy kontsentratsii [On Positive and Negative Effects of Economic Concentration]. *Marketing*, 2003, no. 2, pp. 3-9.
15. Burmistrova T., Martynenko G. Ekonomicheskaya kontsentratsiya v Rossii i gosudarstvakh ES. Antimonopolnyy control [Economic Concentration in Russia and the EU. Antimonopoly Control]. *Pravo i ekonomika*, 2004, no. 5, pp. 13-24.
16. Venediktov A.V. Sliyanie aktsionernykh kompaniy [Merger of Stock Companies]. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. V 2 t. T. 1* [Selected Works on Civil Law. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Statut Publ., 2004. 463 p.

17. GK RF. Chast pervaya [Civil Code of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1994, December 5 (no. 32), art. 3301.

18. Guterma A.E. Osnovaniya ustanovleniya antimonopolnykh ogranicheniy deystviya printsipa svobody dogovora v otnosheniyakh khozyaystvuyushchikh subyektov [Grounds for the Establishment of the Principle of Antitrust Restrictions of Freedom of Contract in Relations Between Economic Entities]. *Yurist*, 2014, no. 15, pp. 38-42.

19. Kinev A.Yu. Sistema protivodeystviya kartelyam [System to Counter Cartels]. *Zakon*, 2012, no. 9, pp. 179-186.

20. Kinev A.Yu. Tretiy antimonopolnyy paket i borba s kartelyami [Third Antimonopoly Package and the Fight Against Cartels]. *Zakon*, 2012, no. 2, pp. 139-147.

21. Popondopulo V.F., Petrov D.A., eds. *Kommentariy k Federalnomu zakonu "O zashchite konkurentsii" (postateynny)* [Commentary to the Federal Law "On Protection of Competition" (itemized)]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2013. Access from the reference legal system "KonsultantPlyus".

22. Partin A. *Prezentatsiya k lektsiyam na temu "Antimonopolnye soglasheniya i soglasovannye deystviya. Nezakonnaya koordinatsiya deyatelnosti na rynke" k Seminaru "Praktika primeneniya antimonopolnogo zakonodatelstva: analiz aktualnykh voprosov i sudebnoy praktiki" (12-13 noyabrya 2013 g.)* [The Presentation for the Lectures on "Antitrust Agreements and Concerted Practices. Illegal Coordination of Activities in the Market" for the Seminar "The Practice of Antitrust Laws: the Analysis of Current Issues and Judicial Practice" (November 12-13, 2013)]. Moscow, M-Logos Publ., 2014.

23. *Postanovleniya FAS Zapadno-Sibirskogo okruga ot 21 maya 2010 g. po delu № A27-24421/2009, ot 24 iyunya 2010 g. po delu № A27-18500/2009* [Resolutions of FAS West Siberian District of May 21, 2010 on the Case no. A27-24421/2009, of June 24, 2010 on the Case no. A27-18500 / 2009].

24. *Postanovlenie FAS Uralskogo okruga ot 16 noyabrya 2010 g. № F09-9595/10-S1* [Resolution of FAS Ural District of November 16, 2010 no. F09-9595/10-C1].

25. Pravitelstvo RF utverdilo 4-y antimonopolnyy paket [The Russian Government Approved the 4th Antimonopoly Package]. *Farmatsevticheskiy vestnik*, 2014, September 5. Available at: <http://www.pharmvestnik.ru/publs/lenta/v-rossii/pravitelstvo-rf-utverdilo-4-j-antimonopolnyj-paket.html#VHHy9cm2l6A> (accessed March 23, 2015).

26. *Rossiyskaya gazeta*, 2006, July 27 (no. 162).

27. Sushkevich A.G. Antikonkurentnye soglasheniya [Anti-Competitive Agreements]. Aleshin D.A., Artemyev I.Yu., Borzilo E.Yu., et al. (eds.) *Konkurentnoe pravo Rossii* [Competitive Law of Russia]. Moscow, Izdatelskiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012. 391 p. Available at: www.anticartel.ru/userdata.

28. Tikhomirova M.Yu., ed. *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Juridical Encyclopedia]. 5th ed., rev. and add. Moscow, Yurinformtsentr Publ., 2001. 927 p.

29. Echaiz Moreno D. *Nuevas Formas de Organización Corporativa Concentrada*. 2001. Available at: <http://ciberconta.unizar.es/LECCION/der022/100.HTM> (accessed July 31, 2010).

30. Rocha e Silva L. Law and Policy Towards Vertical Restraints of Trade: the Case of Brazil. *Boletín Latinoamericano de Competencia*, 2000, no. 9, part 2, pp. 34-50. Available at: http://ec.europa.eu/competition/publications/blc/boletin_9_2_es.pdf.

COORDINATION OF ECONOMIC ACTIVITY IN THE CONTEXT OF ANTIMONOPOLY LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Belikova Kseniya Mikhailovna

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Civil and Labor Law,
People's Friendship University of Russia
belikovaksenia@ya.ru
Miklukho-Maklaya St., 6, 117198 Moscow, Russian Federation

Abstract. This article deals with some of the provisions of the Russian law "On Protection of Competition" of 2006 from the viewpoint of the legal qualification (permission / ban) of economic activity coordination. While analyzing the identified provisions the author proceeds from the freedom of contract principle, at the same time recognizing the fact that there are conditions which restrict such freedom of the contract. These conditions include, for example,

the right of the counterparty to make appeal to the court on the compulsion to conclude contractually obligated party in public contracts, and other conditions including those designated in the Law “On Protection of Competition”. The author refers to the new statutes of the third antimonopoly package and deals with some aspects of the so-called fourth antimonopoly package of the Russian Federation. Thus, as shown by the examples, the horizontal integration contract is characterized by duality, which is reflected in the fact that, on the one hand, the mechanisms of coordination of economic activity are characterized by “self-limiting” nature, and on the other hand, a “self-limiting” character should not be overestimated, because if the company does not have market power, they can only increase their profits by optimizing the production and distribution of goods by means or without vertical restraints.

Key words: Russia, antimonopoly regulation, Law on Protection of Competition, economic activity coordination, “horizontal” agreements, “vertical” agreements, *per se* doctrine.